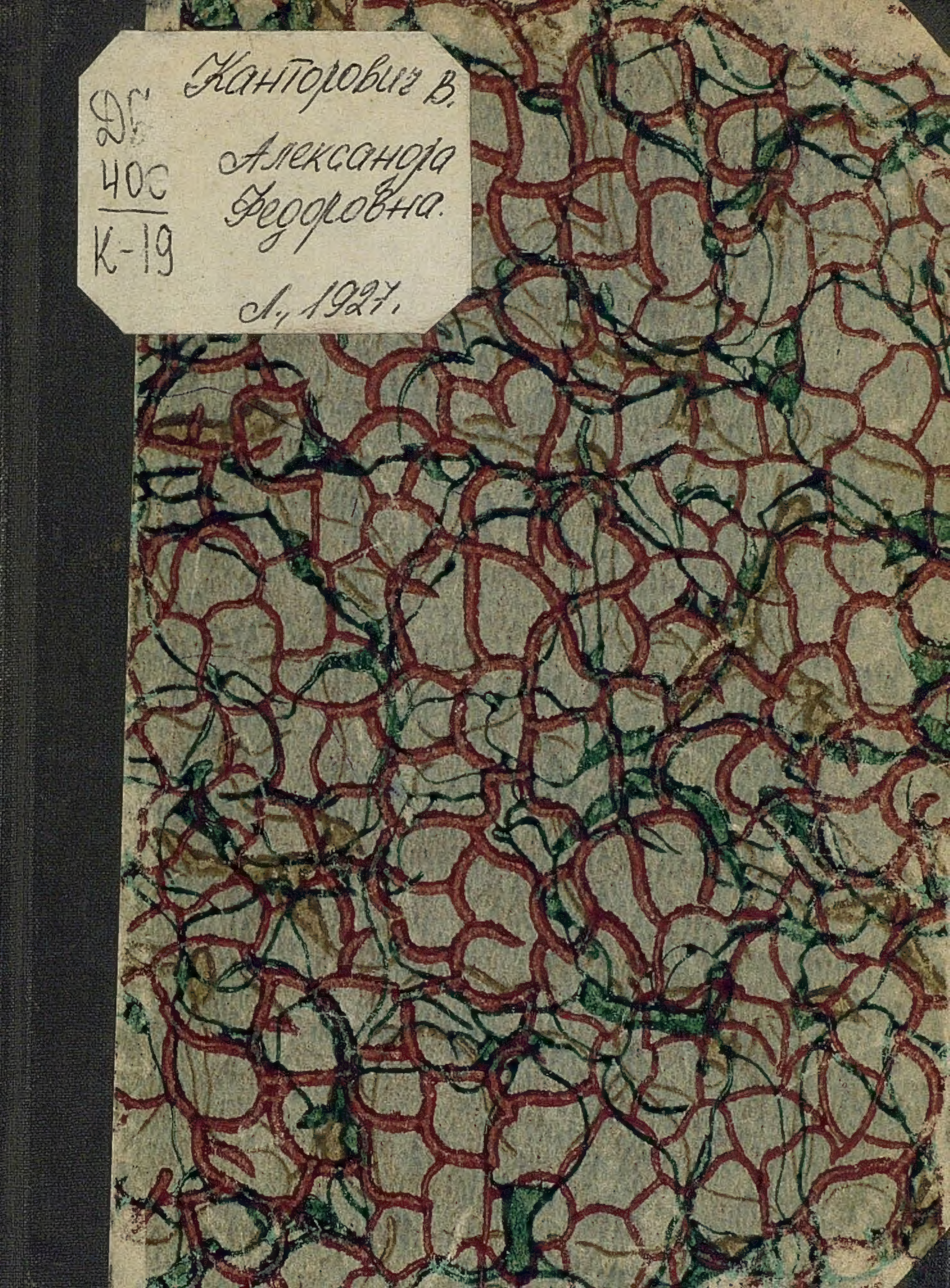

ДБ
403
К-19
Канторович В.
Александра
Федоровна.
Л., 1927.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

В. А. КАНТОРОВИЧ

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

В. А. КАНТОРОВИЧ

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

(ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ» ЛЕНИНГРАД

1927

Ленинградский Гублит № 32284 Тираж 10.000 экз.—5 л. Зак. № 487

I.

14 ноября 1894 года дочь мелкопоместного герцога Гессенского Людвига IV стала женой русского самодержца. Немецкая принцесса английского воспитания на русском троне, — ей суждено было сыграть зловещую роль в истории династии Романовых.

Россия редко видела, еще реже слышала Александру Федоровну: за круг придворной жизни и дворцовых сплетен ее имя не проникало. Она была безгласна и казалась бесцветной. О влиянии, которое имела царица, никто первоначально не догадывался. Да и не было основания его предполагать. Политические и государственные дела ее как будто не касались. Общественное мнение, поскольку оно вообще оценивало быт и нравы двора, приписывало Александре Федоровне качества скромной женщины, твердые принципы семейной морали и материнскую привязанность к детям. Стиль мещанской добродетели прекрасно уживался с той посредственностью, которая типична для эпохи Николая II в преломлении государственном и личном. Царицу долго не знали и не замечали. С таким же безразличием и она отнеслась к России, став ее «самодержавнейшей государы-

ней». О России ведь так мало рассказывали английские учителя и воспитатели. Общие сведения, которые она получила, рисовали картину полудикой страны, огромной равнины, населенной отсталым, некультурным народом, далеким и чуждым. Она приехала в Петербург — и даже не в Петербург, а в Царское Село, где в богатстве и сказочной роскоши жил неограниченный повелитель российской империи. «Voilà Petersbourg et ca c'est Russie[1]» — афоризм, принадлежащий Александре Федоровне, впервые ступившей на русскую землю. Искусство жить и властвовать в такой полудикой стране чрезвычайно упрощалось в сознании немецкой принцессы. Надо лишь поведением своим, образом жизни и мыслей не ронять авторитета царя, недосягаемого для окружающих; надо занять первое место возле него и стать неустранимой, незаменимой. Чувствовать себя уверенной — значит ревниво оберегать полноту власти своего державного супруга, во-время устранять чужое влияние, от кого бы оно ни исходило. В этом смысле царь противостоит всему народу, будь то рядовой подданный или сановник первого ранга.

Александра Федоровна не искала самостоятельной популярности, не имела непосредственного общения с придворной средой; до последних лет она избегала особых приемов, не заводила своего круга знакомых и приближенных. Все внимание уходило на то, чтобы из первых рук приучать царя к мысли о безграничной власти его. В глазах Ни-

---

[1] Вот — Петербург, и это есть Россия.

колая II она не переставала быть скромной, любящей супругой. Готовность оставаться всегда в тени направляла по ложному пути общественное мнение, которое преувеличивало ее непритязательность и пассивность. На самом деле, теперь, после опубликования переписки Александры Федоровны с царем, выясняется, как методически и сосредоточенно она закрепляла свое влияние, совершенно исключительное, никем не оспариваемое и безраздельное. В отношениях к царю сказывалась система взглядов Александры Федоровны. Она восприняла российскую государственность в ее девственном, доконституционном виде и не меняла своих воззрений, первоначально усвоенных. Все, что потом происходило в России, — общественное движение, революция 1905 года, манифест 17 октября, Государственная Дума, война — не в силах было поколебать упрямой близорукой настойчивости иностранки. Для нее русский престол был центром самовластия, и вся задача самодержца сводилась к тому, чтобы найти верных и надежных истолкователей царской воли. Это была главная и, пожалуй, единственная забота. Дать содержание верховной воле, указать для нее пути и цели она не могла: мешала скудость политической мысли. Лишь один принцип господствовал надо всем — неуязвимый авторитет царя. «Ты и Россия — одно, — писала она царю. — Никто не имеет права пред богом и людьми узурпировать твои права»... С этой точки зрения опасность грозила с разных сторон: слишком откровенный и независимый великий князь, чересчур самостоятельный министр и недостаточно покладистый при-

дворный — все кололи глаза. Наоборот, любой бездарный бюрократ, какая-нибудь тупая посредственность могли вызвать расположение царицы, лишь бы они слепо подчинялись ореолу самовластия. Не тщеславие, не деспотизм и не жажда господства над другими руководили Александрой Федоровной. Скорее боязнь оказаться одинокой, неуверенность в своем положении при русском дворе, отсутствие других постоянных связей заставили ее сразу нащупать единственную опору в лице «властного» царя и на этой основе строить свое душевное равновесие, спокойствие и благополучие. Эта цель была личной от начала до конца; ее преследовал средний, односторонне-развитый человек, женщина-чужеземка, волею судьбы, — быть-может, не без содействия Бисмарка, — попавшая на русский престол. Понятно, что цели соответствовали средства — все средства, какие только может изобрести болезненная впечатлительность неуравновешенной женщины.

Она была не из сильных, однако, не настолько слаба, чтобы безгласно отойти на задний план, покориться обстоятельствам и стать просто «молчальницей», каких не мало было в длинной череде русских цариц. Природа наградила Александру Федоровну своеобразной настойчивостью, которую можно даже принять за резко выраженный характер. Эту настойчивость она всю истратила на укрепление самовластия русского царя, черпая из этого источника уверенность в своем собственном завтрашнем дне. В подобном взгляде на вещи и на будущее династии было мало прозорливости, еще меньше политического чутья. Но, — чтобы

понять, а не судить, — в этом месте следует искать главную черту психологической загадки последней русской царицы. Ее не смущала архаичность воззрений на природу самодержавной власти — ее, получившую воспитание при английском королевском дворе. Ведь Россия, как известно со слов иностранцев, страна особенная, не чета Европе. Недаром заморские путешественники, приезжавшие еще в Московию, строили нелестные для нашего национального самолюбия догадки: «Дикость ли народа требует такого самовластного государя, или от самовластия государя народ так одичал и огрубел?». Гессенская принцесса усвоила, очевидно, только первую часть оскорбительной формулы и всем своим поведением подтверждала правоту своего убеждения.

Необходимость влиять на царя для коронованной принцессы Гессенской вытекала из всей ее собственной борьбы за укрепление своего положения, входила неотъемлемой частью во все ее собственные расчеты, в расчеты человека, который имел все основания беспокоиться за прочность и безопасность своего положения. Александра Федоровна раз навсегда усвоила эти расчеты и уже не изменяла им в течение всей своей жизни. Вся эта борьба приобрела впоследствии маниакальный характер. Этому содействовала еще ее психическая надломленность, нечто вроде душевной глухоты. Путь перевоспитания, переубеждения был закрыт для нее. Личная жизнь, дворцовый круг не выдвигали людей, которые могли бы на нее воздействовать в иную сторону и отвлечь от навязчивой идеи. От природы замкнутая,

скрытная — она в царском дворце замкнулась еще больше. Ни одного друга ни одного поверенного. Ни духовника ни фаворита... И рядом — на троне, в приемной, в спальной — маленький, серый армейский офицер, полковник со скипетром, который с трудом тянет длинную царскую мантию и никак не может приладить огромную власть самодержца... Занять место вдохновительницы при таком российском самодержце и малокалиберном человеке, приучить его к своей неизменной и надежной опоре — задача трудная, но благодарная. Александра Федоровна избрала этот путь и ни на шаг от него не отступала.

II.

Прямая, высокая, с неподвижным лицом, — она казалась человеком, который не гнется. Что-то деревянное было во всей фигуре, какая-то «царственность», застывшая по форме, как полагается. Хорошо умела стоять на одном месте, еще лучше выслушивать, не выражая на лице ни похвалы ни порицания. Глаза играли подчиненную роль: могли бы совсем закрыться без ущерба. Удивительное соответствие со своим царственным супругом: его оловянный взор смущал не мало старых дипломатов и боевых генералов...

Александра Федоровна имела крупные, правильные черты лица, была хорошо сложена, даже могла казаться красивой, но такой красотой, которая оставляет равнодушным, не волнует, не зовет. Поэту умирающей династии она не давала никакого сюжета. Ее улыбки никто не видел, ее

жест не вдохновлял. В романтике монархизма не нашлось бы места для ее образа. Недаром ни одна дворянская шпага не была вынута из ножен в ее честь. И это не только потому, что имя царицы было опорочено в последние годы связью с именем Распутина. Она не воодушевляла, не озаряла. Потухшим взглядом встречали ее раненые и умирающие солдаты и офицеры, когда она, в качестве сестры милосердия, склонялась над их изголовьем. Трепет перед саном государыни и пустая условность встречи... Она не создала ни одного придворного обычая, не пустила в оборот дворцовой жизни ни одного крылатого выражения или слова. Даже дамского туалета или прически à l'impératrice никто не знал. Силуэт, а не живой человеческий образ.

А между тем на фоне умирающего самодержавия Александра Федоровна представляла собой интересное сочетание многих черт, из которых одни принижали ее к уровню людей, по выражению Никиты Панина, «припадочных», а другие выдвигали—из ряда обыкновенных. Эмоциональная сторона уступала рассудочной. «Мозг все время работает и никогда не хочет отдохнуть. Сотни мыслей и комбинаций тревожат меня», — пишет она о себе. Мозг работает, а сердце, «больное», не выдерживает ничтожного напряжения, питается каплями 2—3 раза в день. «Сердце болит... Но моя воля крепка. Только бы не думать»... «На сердце такая тяжесть и такая грусть»... — Этими словами буквально пересыпаны ее письма. Мысли не покидают царицу. Она думает, часами лежа в кровати, на диване, думает, стоя в церкви,

на прогулке с детьми, в лазарете, на охоте, на приемах, в обществе и в одиночестве. Не все мысли значительны и даже интересны. Большинство окрашено в мрачный цвет. Всегда наворачиваются опасения, тревога или зловещие предупреждения. Но что в особенности характеризует ее, это — «осмысление» окружающего, уклон в сторону рационализма, гипертрофия «умственности» даже там, где, казалось бы, для чувства открывается прямая дорога. Но мысль ее не получала выхода в творческой деятельности, билась бесплодно, оставаясь минутной и бескрылой. Она разъедала всякое чувство, чувство, которое рождалось в ней, как в женщине, матери и жене. Этим и объясняется холод, распространяемый ею вокруг, и неподвижность лица и мертвенность взгляда. В этой «умственности» была сосредоточенность, но была и навязчивость. «Только бы не думать»... А чувство быстро вырождалось в чувственность или готовило почву для экзальтации...

Подобно росту, фигуре и внешнему виду, рассудочность ее была тоже прямолинейной, негибкой. Умственный взор всегда видел пред собой тупик. В сознании господствовала идея безвыходности. Примириться с этим было трудно, невозможно. Психика самоотравлялась. Любой момент грозил потерей равновесия. Это означало бы — крушение всего склада жизни, миросозерцания, полная катастрофа личности. Безысходность еще более осложнялась. Душа была скована порочным кругом. Самообладание покупалось дорогой ценой постепенного разрушения воли. Ко времени войны картина такого разрушения была на-лицо.

После встречи с Александрой Федоровной французский посол Палеолог занес в свой дневник характерные строки: «...моральное беспокойство, постоянная грусть, неясная тоска, смена возбуждения и уныния, постоянная мысль о невидимом и потустороннем, легковерие, суеверие»... В том состоянии, в котором царица открылась наблюдательному дипломату, от видимой уравновешенности осталась только пустая оболочка. То, что таила в себе подлинная Александра Федоровна, стало в конце концов очевидным.

Процесс внутреннего настроения усугублялся еще одним фактом. Алиса Гессенская принесла с собой наследственный порок развития крови — гемофилию, таинственную болезнь, которая, хотя и проявляется только у потомков мужского пола, однако, преследует род женщин — потомков гемофиликов. Зловещий знак наследственности убивал материнскую радость Александры Федоровны. Сколько мрачных мыслей стояло на пороге ее души и мешало проникнуть хотя бы одному трепетному чувству! Она всем существом своим рвалась к рождению сына и с тайным ужасом должна была ждать роковой встречи с загадочной болезнью. Сын, наследник престола, — можно ли было придумать более прочную связь с мужем и самодержцем, более могущественное оружие против всех, кто готов использовать всякое средство, лишь бы расшатать ее влияние и подорвать устои власти?.. Но произвести на свет наследника, обреченного с первых дней рождения стать жертвой дурной наследственности, не значит ли это ко всем тяготам

«царственной жизни» прибавить еще проклятие рода и увеличить во сто крат неприязнь и вражду окружающих? Александру Федоровну не покидало все время чувство ответственности, не искупленной вины. Это омрачало душу, сверлило мозг. Беспокойство за единственного сына в обычных условиях принимает всегда у матерей характер навязчивой идеи; тем более в такой предрасположенной среде, как психическая организация Александры Федоровны. Каждый успех, каждый день роста сына был отравлен тревожным ожиданием. Ничтожный случай, незаметная царапина или ушиб могли вызвать появление кровоточивости и смерть единственного. Для ребенка было закрыто безмятежное детство, для матери — источник радостной надежды.

Наследственность осложнялась еще и по материнской линии. Мать ее, принцесса Алиса дочь Виктории, умерла тридцати пяти лет после пережитых сильных бурь и волнений. Сердце было расстроено, нервная система потрясена. Брат, великий герцог Гессенский, отличался странными вкусами, которые заставляли предполагать в нем не совсем нормального человека. Сестра — Елизавета Федоровна, жена убитого Сергея Александровича, поражала своей благотворительной экзальтацией и все время пребывала в состоянии религиозно-мистическом. Александра Федоровна в патологическом отношении была еще более резко выраженным типом. Она не знала дня без болезненных ощущений. «У меня каждый день болит голова. Я чувствую сердце...» — пишет она в одном месте. В другом: «...до смерти

устаю; сердце болит и расширено»... Или: «...временами чувствую, что больше не могу, и тогда накачиваюсь сердечными каплями...». «Я не лишена мужества, но только такая горечь на сердце и на душе...». Сердце расширялось от пустоты, а в голове теснились однообразно-назойливые мысли. Изнурительное самоуглубление нельзя было ничем рассеять. Мешал двор, условный ритуал, а больше всего она сама. Наступали минуты, когда нервы отказывались служить. И воля угасала, самообладание испарялось; открывался простор для истерики или длительной меланхолии. Александра Федоровна боялась этого перелома. Он ее смущал и угнетал. Она теряла тогда последние силы сопротивления; а ведь окружающая среда таила всегда для нее угрозу и вражду. Чтобы предупредить эти приступы болезненного безволия, она прибегала к искусственному возбуждению. «...Я пришла домой и потом не выдержала — расплакалась, молилась, потом легла и курила, чтобы оправиться»...

Так часто заканчивался ее день.

Религия, молитва, даже работа приобретали характер наркотического средства. Чтобы забыться, уйти. Куда?..

Нервная возбудимость прогрессировала с каждым годом. Впоследствии она стала нескрываемой; о ней буквально чирикали все воробьи под дворцовой крышей. Психическое состояние царицы внушало серьезные опасения. Особенно оно обострилось в связи с аварией императорской яхты «Штандарт», посаженной на мель ее командиром — потом застрелившимся — Чагиным. Во время вы-

садки царской семьи со шлюпки на берег, не разобравшая, в чем дело, береговая охрана открыла ружейный огонь по ней. Императрица испугалась на-смерть и долго после этого случая не могла оправиться. С этого времени здоровье ее начало резко ухудшаться. Были испробованы разнообразные методы лечения, которые, однако, не приносили желательных результатов. Осматривали больную светила медицинской науки, молились о ней «архипастыри церкви», — ничто не помогало. Одиночество пугало, общество раздражало. Для изоляции, для успокоения держали яхту на море, строили специальный дворец в Крыму, помещали царицу за оградой родного замка во Фридберге, близ Наугейма, — все тщетно. Прогулка утомляла, музыка возбуждала. Истерика стала обычным явлением и фактором, ставшим влиять на ход государственных дел. Во время войны министр внутренних дел А. Н. Хвостов откровенно рассказывает об истеричности царицы редакторам газет. В Государственной Думе, в обществе впервые приподымается завеса придворной жизни, и из-за нее выглядывает меланхолическая маска Александры Федоровны.

III.

«Жизнь — ноша»...

«Власть — ноша»...

«Если бы только я могла помочь тебе нести твою тяжкую ношу, так много таких нош давят тебя»...

Она хотела облегчить Николаю II бремя — и на каждом шагу увеличивала его. Угнетенность духа, подавленное состояние сказывались во всех ее движениях и поступках. Даже советом своим и поддержкой она лишний раз подчеркивала мрачный тон своего умонастроения. Трагедию одиночества она склонна была приписать и Николаю II. «Мне было так грустно, когда я видела твою одинокую фигуру», — пишет она царю. Чтобы резче оттенить свою любовь, приверженность и значение такой прочной связи, она не боялась усилить выражение, характеризующее одиночество. Впрочем, и без того было непосредственное ощущение непосильной тяжести, которую не с кем делить. Кругом притворство, ложь, измена... «Я просто не могу понять, — восклицает Александра Федоровна: — как в такой великой стране случается, что мы никогда не находим подходящих людей!..». Термин «подходящий» имел в устах ее совершенно особенное значение, не возвеличивающее человека и не определяющее его способностей:

«Всюду лжецы и враги... Преображенская клика меня ненавидит...».

«Министры — мерзавцы; хуже, чем Дума...».

«Даже семья (царская фамилия) старается добраться до тебя, когда ты один, когда они знают, что добиваются чего-то неправильного и что я не одобрю этого...».

Все злоумышляют против царя. Ни на кого ему положиться нельзя. Только одна она неустанно бдительна и прозорлива. Но разве можно отвратить любую человеческую напасть? Разве

можно предвидеть, откуда враг ударит? Для этого нехватило бы никаких сил и напряжения нравственного. Систему обороны, очевидно, надо как-то упростить. Управлять должна какая-то невидимая сила. Как бы ни изощрять впечатлительность, как бы ни обострять проницательность, разве есть уверенность, что не прорвется вдруг враждебное влияние или не восторжествует злой умысел кого-нибудь из окружающих? Усталый рассудок и больная обнаженная психика призывают на помощь мистику, чудеса, силы потусторонние. Вера уступает место суеверию; раскрывается зловещий смысл всяких заклинаний, заговоров и причитаний. Душа темнеет, воля слабеет, и свобода человеческого духа погибает в плену . . .

С Александрой Федоровной и произошло такое перерождение личности. Трагедия одиночества, мрачный узел страха, сомнений, глухоты душевной придвинули ее на край бездны. Быть-может, из глубины пропасти повеяло холодом безумия. Она судорожно ухватилась за последнее средство, которое продиктовано было психическим надломом, и отдалась во власть некромантов, религиозных изуверов, ведунов и просто проходимцев. Они все и стали «подходящими» людьми; они-то и могут таинственным способом предвидеть каждую опасность, убрать любой камень с пути. А главное, с ними спокойно, зла и несчастья не произойдет; можно, наконец, испытать чувство внутренней замиренности, прийти в себя и уверенно, без трепета ждать завтрашнего дня. Этих людей она называет не иначе, как «друг». Первый друг, второй друг . . . Нужно только поверить в необъяс-

нимую силу «друга», в правоту его призвания и слепо, беспрекословно исполнять все предначертания благого вестника «божественного промысла». Обязательно слепо, без умствования, безрассудно, ибо стоит лишь начать думать, и опять душа наполнится сомнениями, страхом, опять «ноша» потянет вниз, к бездне, и тесным станет дворец, и люди придавят своей злобой. Слабый человек, без творческого порыва, бескрылый, замкнутый в пустоте—она перегружена была неподвижным умом своим и испытывала облегчение, когда могла разгрузиться, хотя бы ценой суеверия и полумистических бредней. Эта психологическая реакция перестает быть неожиданной и непонятной. Биограф Александры Федоровны никогда не объяснит «распутного» заката царицы, если не погрузится в тайники ее больной, не совсем обычной души. Элементарность, грубая наивность ее верований, слепота, глупость — все эти признаки бросаются в глаза при критической оценке. Но пусть слепота, пусть глупость! Царица отдалась безрассудно — единственное условие, при котором верование могло принести ей целительное успокоение. Она по натуре совсем не была наивна. И подход ее к вещам, к историческим явлениям вовсе не был элементарен и глуп. Однако, эта сложность культурно-воспитанной и европейски-цивилизованной немецкой принцессы уживалась с мужицкой хлыстовщиной и вульгарной мистификацией проходимцев.

«Наш первый Друг (француз Филипп) дал мне этот образ с колокольчиками, чтобы предупреждать меня насчет тех, которые неправедны, и

чтобы не дать им приблизиться ко мне. Я его буду чувствовать и таким образом охраню тебя от них» — обнадеживает она царя.

Сразу просто и легко разрешалась проблема одиночества. Стоит лишь довериться звону колокольчика, и душа обретает покой. С высоты изысканной европейской культуры, от лунной сонаты Бетховена и немецких романтиков опуститься до уровня первобытного дикаря с его верой в амулеты, наговоры и прочие таинственные силы, — таков удел последних царей. Александра Федоровна обречена была ступить на этот путь.

Немного усилий пришлось ей затратить, чтобы вовлечь царя в круг суеверий. Психологическая основа, в сущности, была одна и та же. «Не забудь опять подержать образок в твоей руке и несколько раз причесать волосы Его гребенкой перед заседанием министров» — предупреждает она заботливо. Так мало, в сущности, требуется предосторожности, такой скромный обряд предписан «другом»; почему бы его не выполнить, чтобы выйти невредимым, укрепленным в своей правоте? Случайное совпадение видимой удачи с наговором или употреблением «дружеской» гребенки вырабатывает уверенность в таинственной силе, и рука «самодержца» торопливо вынимает амулет всякий раз, как ему приходится осуществлять свою верховную власть. А уж потом созревает пагубная склонность во всем полагаться на тайный промысел, извне направляемый некиим «другом», и горе тем фактам, идеям и даже людям, которые вступают в противоречие с тайным влиянием «провидца»...

IV.

Схема жизни намечена: тайная рука «провидца», проводник его влияния — царица, а державный исполнитель — император. Три задачи должны быть выполнены, и цель будет достигнута. Прежде всего — уберечь «друга», не выдать его с головой врагам. «Враги нашего Друга — наши собственные враги» — пишет царица мужу. Или: «все делается против Его желания, и мое сердце обливается кровью; оно в тоске и страхе»... Прикованная страхом и тоской к участи «провидца», она всю тревогу свою переносит на него. Как бы с ним не случилась беда!.. Ведь тогда она, беззащитная, падет под ударами судьбы и станет игрушкой враждебных сил, окружающих ее со всех сторон.

Уберечь «провидца» недостаточно. Необходимо еще очистить путь для своего влияния на царя. Оно должно быть непосредственным, а, главное, всесторонним. Власть, армия, церковь, семья, альков, дворцовый прием, парад, интрига — ничем не следует брезгать. Словами любви, ласки и утешения она замкнула кольцо надзора над Николаем II. Неограниченный самодержец был под духовной и нравственной опекой своей жены. Наружных следов этой опеки никто не видел. Близко стоящие к царю люди лишь догадывались об этом. «Она никогда не выступает открыто, — говорил ген. Алексеев: — она мешает всем, но действует только за спиной»...

Влияние, которое Александра Федоровна оберегала так тщательно и ревниво, вносило некоторую уверенность в ее смущенную и расстроенную душу. Она — соединитель двух центров своего равновесия: «друг» и муж. Все остальное — чуждо, враждебно и опасно. Сомкнется цепь — благо; всякий разрыв означает несчастие, тревогу, мрак . . .

«Когда Он говорит, что не следует чего-либо делать, и когда Его не слушаются, то всегда впоследствии видишь свои ошибки . . . Над Россией не будет благословения, если ее повелитель допустит, чтобы человек, посланный богом на помощь нам, подвергался преследованиям» . . . [1]. Уйти самой от влияния на царя значит разрушить спасительную схему жизни и дать погибнуть не только ей, но и династии, государству. Вера в потустороннюю связь осела в виде своеобразной идеологии, которая укреплялась с каждым днем. «В книге «Les amis de Dieu» — отмечает у себя царица — сказано, что государство не может погибнуть, если его повелитель направляется божьим человеком» . . .

Но для полноты триединой схемы, для ее удачного завершения необходимо, чтобы на-лицо был подлинный «повелитель», не заподозренный в слабости, неопровержимый, несомненный самодержец. Николай II казался мало подходящей для этого фигурой. Его внешний вид и внутренние

---

[1]) Речь идет о «преследовании» Распутина обер-прокурором Самариным, который открыто выражал свое отрицательное отношение к «старцу».

свойства не соответствовали роли, которую приписывала ему Александра Федоровна. Тут-то и сказалась немецкая настойчивость царицы. Она изучала каждый жест, каждое выражение своего державного супруга и, как опытный режиссер, разучивала с ним партию властного, неограниченного монарха. В качестве идеального образца был избран прадед Николай I. Ему подражать во всем — вот цель, которую царица поставила перед Николаем II.

Она отлично знала слабые стороны своего партнера. Он явно не располагал данными властного человека. Не умел устрашать взором, окриком, подчинять своей воле и решению. Он быстро уступал напору первого настойчивого министра или царедворца. Легко менял мнение, соглашался для видимости с противником, — словом, был в тени. Не силы, а власти боялись; не человека, а сан уважали. Пред ним не склонялся авторитет людей независимых и свободных. Он был способен настоять на своем, но делал это не открыто, напрямик, а под сурдинку, негласно, пользуясь прерогативой своего царского усмотрения. Эта манера раздражала и вооружала против него; в ней сказывалось лукавое непостоянство монарха и пренебрежение к отзывам о себе подчиненных. Царица знала, из какого человеческого материала приходится лепить «самодержца». И осторожно, терпеливо, с большой тонкостью разрешала эту сложную задачу.

«Милушку всегда нужно подтолкнуть и напоминать ему, что он есть император и может делать все, что ему хочется... Ты должен показать, что

у тебя свои решения и своя воля» — преподает она нравоучительно уроки власти армейскому полковнику со скипетром. Она всячески стремится пробудить в нем чувства автократа. Пусть эти чувства найдут выражение в бурной форме окрика, удара, бешенства, как бывает у настоящих царей, которые нагоняют трепет, умеют казнить, умеют и миловать.

«Когда, наконец, ты хватишь рукой по столу и накричишь на Джунковского и на других, если они неправильно поступают» — пишет она ему нетерпеливо.

«Заставь их дрожать пред твоим мужеством и твоей волей»...

Или:

«Как им всем нужно почувствовать железную волю и руку; до сих пор царствование твое было царствованием мягкости, а теперь оно должно быть царствованием власти и твердости, — ты повелитель и хозяин России»...

«Будь более автократом, моя душка, и покажи себя!».

За каждым движением царя следит ее наблюдательный глаз. Каждый неловкий шаг его она исправляет; вытягивает его низкорослую фигуру, возвеличивает осанку, усиливает голос, подталкивает руку, подчеркивает решимость. Она произносит за него монолог власти и держит пред ним все время зеркало, в котором отражается неуклюжая внешность и сколок царственной воли. Во всех ее наставлениях упрек пересыпан лаской: за словом критики следует выражение любви и нарочитого поклонения. Она не оставляет его ни од-

ной минуты без ободрения. Конечно, он должен быть продолжателем и достойным преемником императора Николая I, но ... разным царям разное дано. Она, как заботливая мать, утешает неудачника-сына, гонит прочь отчаяние и самоуничижение и напутствует его ласковыми словами:

«И ты покорил тысячу сердец, наверное, твоим милым, нежным, кротким существом и сияющими, чистыми глазами. Каждый покоряет тем, чем бог его одарил. Каждый своим путем ...».

«Скромность есть высший дар богу, но верховный повелитель должен показывать свою волю чаще. Будь уверенней в себе и действуй ...».

Письма Александры Федоровны, посвященные проблеме властного царя, представляют собой что-то вроде политического трактата, в котором дано практическое руководство для человека, обреченного быть самодержцем. Это «зерцало бытия», куда должен был заглядывать маленький человек каждый раз, прежде чем ему приходилось взбираться на высокий трон. Тема была разработана царицей удивительно последовательно и ярко. Все талантливое, что природа отпустила этой женщине, она затратила для написания этого единственного в своем роде наставления. У Николая II был свой Ментор, свой Макиавелли, который в письмах увековечил идеологическую систему абсолютной царской власти. Эта система как будто была списана с какого-то отвлеченного образца; она потрясала своей несвоевременностью, полной оторванностью от жизни. Это была утопия умирающей династии, осужденного историей режима, утопия, которую могла продиктовать болезненная

сосредоточенность человека, потерявшего всякий исторический масштаб, лишенного чувства перспективы. Она могла бы послужить образцом исторического кретинизма. Словно в безвоздушном пространстве выращивались идеи реставрации самодержавия, и ни одна струя свежего воздуха не проникала в царскосельский дворец, в котором расположились авторы этой системы.

Сколько наивной уверенности было в искреннем «расположении» народа к царю! Надо только устранить средостение между ними, прогнать или подчинить своей державной воле генералов, министров, великих князей, всех этих «мерзавцев» и злоумышленников. Царица неотступно побуждала своего мужа во время войны показываться чаще войскам, быть среди них, и не сомневалась, что это вызовет всеобщий энтузиазм серой солдатской массы, когда эта масса почувствует непосредственную близость «обожаемого монарха».—«Какая награда для храброго гарнизона Оссовца, если ты туда поедешь . . .». — «Солдаты должны тебя увидеть . . . Ты им нужен . . . они хотят тебя, а ты их . . .». Она не могла примириться с мыслью, что Николай Николаевич вытесняет своим авторитетом царя, и этого было достаточно, чтобы возненавидеть великого князя слепой ненавистью, на которую была способна ее односторонняя, настойчивая натура.

«Ах, мне не нравится, что Николай участвует во всех этих больших заседаниях, в которых обсуждаются внутренние вопросы» — пишет она царю. Эта боязнь вмешательства во «внутренние» дела подсказана была инстинктом самосохранения.

«Он импонирует министрам своим громким голосом и жестикуляцией. Я временами прихожу в бешенство от его фальшивого положения ... Никто не знает, кто теперь император ... Похоже на то, словно Николай все решает, выбирает, сменяет. Это меня совершенно убивает... Все дают тебе дурные советы и злоупотребляют твоей добротой ...».

Она в конце-концов добилась смещения Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего и занятия Николаем II этого места. Она шла на открытый разрыв с великим князем — человеком относительно популярным в среде придворных и высших военачальников. Ее волей управлял «божий человек». Во время войны идея триединого союза — «провидец», она и царь — стала навязчивой в буквальном смысле слова. «Григорий любит тебя ревниво и не выносит, чтобы Николай Николаевич играл какую-либо роль» ... Этого признания было достаточно, чтобы настоять на своем. Она рвала постепенно все отношения с великокняжеской группой и подчеркивала свою чужеродность в семье Романовых. Люди, близко стоявшие к царю, ее ненавидели и чернили. Она фатально вынуждена была теснее сомкнуть цепь надзора и опеки над мужем, чтобы не быть отрезанной со всех сторон и не потерять источника своего влияния. Поэтому с такой тревогой относится она каждый раз к отъезду царя. «Чорт бы побрал ставку!» — вырывается у нее несдержанное восклицание. — «Эта предательская ставка, которая удерживает тебя ...». «Как ужасно было прощаться с тобой ...» — так начинаются письма на второй день после разлуки.

Все было поставлено в связь с самостоятельным и независимым поведением царя. Вся кампания Александры Федоровны была рассчитана на перерождение Николая II, который, наконец, станет подлинным единодержавным властителем. Она пыталась воздействовать и на его миросозерцание и наделить его необходимыми внешними качествами.

«Россия, слава богу, не конституционное государство, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваются в дела . . .»[1].

«Мы не конституционное государство и не смеем им быть. Наш народ не подготовлен к этому, и, слава богу, наш император — самодержец . . . Только ты должен выказать больше силы и решимости. Я бы их быстро убрала».

«Я рада, что ты отказался принять этих тварей; они не смеют употреблять слово „конституция“, но они продолжают ходить кругом да около . . . Воистину, это было бы гибельно для России . . . Так как ты самодержец, слава богу . . .».

Ее миросозерцание насквозь пропитано идеями охранительной реакции в стиле союза русского народа. И в этом отношении она с упрямой, деревянной настойчивостью доходила до логического конца. Пуще всего ненавидела она зависимость от общественного мнения. Неуловимый контроль печати, безличная критика Думы и партий пугали ее не на шутку. Система ее влияния, способ управления и стиль властвования — все это противоречило гласности и не выносило публичной оценки.

---

[1] Речь всюду идет о членах Государственной Думы.

Ведь обычная ответственность перед общественным мнением, которая знакома европейским государственным деятелям, здесь исключалась. Народ при автократии не рассуждает; он умеет только подчиняться и любить своего державного владыку. С этой упрощенной политической схемой Александра Федоровна свыклась. Еще в пору либеральной «весны» 1904 года она в разговоре со Святополк-Мирским высказывалась в таком духе: «Да, интеллигенция против царя и его правительства, но весь народ всегда был и будет за царя...». Самоуверенный экскурс в область русской истории и неподвижный взор, устремленный в будущее!..

Справедливость требует признать, что в отношении миросозерцания Николай II оказался весьма подходящим партнером. Менее удачно он мог удовлетворить требовательную супругу своим воплощением неограниченного самодержца. Она умоляла его повысить голос или сделать хотя бы строгий вид.

«Прости меня, мой драгоценный, но ты знаешь, что ты слишком добр и мягок. Иногда хороший, громкий голос и строгий взгляд делают чудеса».

Увы! Никакими ласками, увещаниями и заклинаниями нельзя было заставить бессловесного статиста сыграть коронную роль самодержца, и тогда власть — источник пафоса и творческих замыслов — превращалась в «тяжелый неудобоносимый крест».

«Ты еще родился в день Иова многострадального, моя бедная душка... Помни, что ты император!..».

«Есть минуты, когда тяжесть так велика и она давит на всю страну, и тебе приходится нести ее всю...». В этих словах царицы звучали ноты уныния, порой даже отчаяния...

V.

Александру Федоровну приводила в бешенство независимость министра или великого князя. Надо думать, что не раз она давала волю своему возмущению при виде зависимого царя. Мантия сползала с плеч неудачливого самодержца; в серой полусолдатской шинели он терялся среди окружающих. Любовью, лаской, внушением, даже истерикой — делу помочь было трудно. Тем сильнее стремилась царица закрепить свое влияние и так или иначе проводить в жизнь свои решения. Если природа Николая II не поддавалась перерождению, если идеал прадеда был для него недостижим, то Александра Федоровна ставила своей целью осуществить самодержавие без самодержца. Не даром она любила иногда рисовать сатирические карикатуры на своего супруга, при чем неизменным сюжетом было изображение Николая в виде «бэби» на руках у матери. Впрочем, это относится к тому времени, когда царь находился под влиянием Марии Федоровны. Алиса Гессенская не могла с этим примириться. Ценой разрыва с царицей-матерью она добилась в конце концов ее устранения. Отныне пеленать самодержавного «бэби» сделалось исключительной привилегией Александры Федоровны.

Как могло это произойти? Каким образом, иноземная принцесса, не имеющая дворцовой

поддержки, — наоборот, изолированная в кругу придворной знати,—могла завоевать такое исключительное, почти магическое влияние? Какими средствами она пользовалась, чтобы удержать все время это влияние? Ведь, постоянство не было качеством Николая II. Твердые устои семейной морали, отличавшие в личной жизни Александра III, не были тоже унаследованы сыном. Правдивость, прямота, искренность часто изменяли ему в отношениях к людям родственным и близким. Вероломством и лукавством отмечены многие его поступки. Казалось бы, все это черты характера, которые делают невозможным безраздельное подчинение себе такого человека.

К тому же и восторженной любви, этого могущественного средства взаимного подчинения, не было с самого начала в отношениях Николая II к жене своей. В их браке было гораздо больше усмотрения, чем непосредственного влечения. Люди, открыв глаза, рассчитывали, а не отдавались слепому чувству. Экспансивность, увлекаемость, способность забыться в порыве страстном — свойства, чуждые природе царя. Он был, в общем, человек уровновешенный, с размеренным темпераментом, без пыла и пафоса, без излишней наивности и сентиментов. Подозрительность и опасливость способны были погасить любой намек непосредственных отношений его к окружающим. Чтобы приучить такого человека к постоянному своему влиянию, нужно было воздействовать на его психику с разных сторон и многими способами. Моральное, волевое, почти физическое окружение производилось Александрой Федоровной

исподволь, очень бережно, но систематически и без перерывов. Для этого у нее было достаточно активности, такта и предусмотрительности. Она искусно использовала привычку совместной жизни, которая часто заменяет подлинное чувство и связывает людей крепким узлом. Пустую, условную форму супружества она заполнила лирическим содержанием и не упускала случая подчеркнуть свою влюбленность. Она не оставляла царя одного, всюду сопровождала его, но делала это, «не докучая моралью строгой», и не злоупотребляла ревнивым подозрением. Сознание подопечности могло раздосадовать Николая, и поэтому она ухитрялась осуществлять строгий надзор, не выдавая себя ни одним лишним словом или жестом. Наоборот, она не боялась признать свою зависимость от него: «Твои глубокие, нежные глаза давно меня совсем покорили», — уверяет она его.

Апофеоз самодержца отожествлялся ею с властью Николая II, и это импонировало ему. Экзальтированная преданность, с которой Александра Федоровна относилась к его авторитету, не могла пройти бесследно. Постепенно, с каждым годом все сильнее, он убеждался в глубокой связи, существующей между ними, в роковом сплетении общей судьбы, которую так болезненно и напряженно пыталась предугадать его жена. Это сознание создало главную основу близости между ними, и Александра Федоровна широко ее использовала.

Она, видимо, не оставляла без удовлетворения ни одной потребности его души и тела. Советница, идеолог неограниченной монархии, резонерствующий скептик, обремененная тоской, страхом и тя-

желой наследственностью, — она вдруг перевоплощалась в нежно любящую супругу, которая знает только одни слова ласки и признаний. Психопатологическая сторона ее природы и здесь сказывалась. Прожив двадцать лет с мужем, она не перестает быть во власти эротических воспоминаний и образов, которые, как порой может показаться, вытесняют все остальное.

«Ты мне будешь больно недоставать, мой собственный, дорогой. Спи хорошо, мое сокровище. Моя постель будет, увы, так пуста . . .».

«Вспомни прошлую ночь, как нежно мы прижимались друг к другу. Я буду тосковать по твоим ласкам . . .».

«Посылаю тебе несколько ландышей . . . Я поцеловала нежные цветы, и ты их также поцелуй» . . .

Поцелуями пересыпаны все письма.

«Целую каждое дорогое местечко . . . Я целовала и благословляла твою подушку . . . Целую твое дорогое лицо, милую шейку и дорогие, любимые ручки . . . Ты мне недостаешь, мне хочется твоих поцелуев» . . .

«Крепко держу тебя в своих объятьях . . . Я не могу привыкнуть, хотя бы на короткое время, не иметь тебя здесь, в доме . . . Спи, мое солнышко, мой драгоценный, тысячу нежных поцелуев от твоей старой женки . . .». — Таков лирический тон ее обращений к царю.

Однако, эти страстные и нежные излияния были только рамкой, окаймлявшей иной сюжет, иные слова. Александра Федоровна оставалась верна себе. Она не забывала о главном—о своем влиянии,

об укреплении власти того, кто должен проводить предначертания свыше и рассеять все ее сомнения и тревоги. Вот почему иногда рядом с нежным вздохом любви умещается прозаическое напоминание о назначении или смещении какого-нибудь министра, а среди страстных поцелуев она улучает минуту поговорить о ссоре генералов, о кознях ненавистных ей общественных деятелей и о многом другом.

Она приучает своего супруга к откровенности, доведенной до крайних пределов. Нет такой интимной стороны ее жизни, о которой не было бы речи. Каждый шаг на виду, каждое физиологическое отправление ее женского организма служит предметом сообщения. И все же было бы ошибкой считать ее откровенной до конца. Под покровом всех этих «разоблачений» внешней жизни, при той исключительной близости, которая, казалось, лежала в основе ее отношений к царю, подлинная сущность Александры Федоровны оставалась нераскрытой, замкнутой на дне ее души. Осознавала ли она сама эту сущность или смутно угадывала ее, трудно сказать. Но в главном она не делилась ни с кем. У ней проскальзывает собственное признание в этом:

«Мы не показываем друг другу то, что мы чувствуем», — говорит она мужу. Но все же она водила его по всем кривым закоулкам своей слабо освещенной души и имела право требовать от него такой же откровенности.

«Выскажись откровенно твоей старой женке, твоей когда-то невесте, — пишет она царю: — делись всем со мной; может-быть, будет легче,

хотя иногда легче носить горе одному, не давая себе размякнуть»...

Надо думать, что Николай II в долгу не оставался и в отношении жены приучал себя быть добросовестным. Она, таким образом, была осведомлена о ходе его мыслей, о каждом неудовлетворенном желании, о первой тревоге, как только она возникала. Это было, конечно, необходимым условием ее влияния. В противном случае, она часто не достигала бы цели.

Дети, несомненно, укрепляли отношения между Александрой Федоровной и ее мужем. Особенно с момента появления на свет наследника. Николай II испытывал облегчение каждый раз, когда менял обстановку государственного деятеля на детскую комнату. Добродетели и мягкости как раз было в нем столько, чтобы не стеснять отцовское чувство. Дочери ничем не выделялись: непритязательные, средние светские барышни, которые должны были ко времени закончить свой девичий стаж, чтобы вступить в брачный союз с отпрыском какой-нибудь иностранной династии. Сын — надежда и продолжатель рода, но и постоянный источник тревог и опасений, больной, искалеченный мальчик. Не о системе воспитания приходилось думать и не о том, кого приставить к нему в качестве руководителя и наставника. Главная задача была — сохранить жизнь какой угодно ценой, каким угодно способом. Дядька и доктор неотступно следовали за ним.

Александра Федоровна не уставала заботиться о сыне. На нем сосредоточена была вся нежность, скупо отпущенная природой этой женщине. Смерть

наследника причинила бы ей непоправимый удар. Не только инстинкт матери подсказывал тревогу. Вакантный в будущем престол выдвигал влияние родственников царя. Открывалась дорога для посторонних авторитетов, зрела почва для дворцовых интриг. Заботой о сыне, постоянными опасениями за исход его болезни был тесно связан с царицей Николай II. Это была их общая, единая и очень интимная сторона жизни. Пожалуй, отцовское чувство было более непосредственным, чем материнское. Умственному и духовному облику царя как раз соответствовал такой уклад мещанской семьи, в которой превыше всего ценится внешнее благополучие, безмятежность существования, порядок и уют. Чем сильнее разлаживалась жизнь внутри государства, тем «семейственнее» становился царь. За скромным чаепитием, чтением английских романов, игрой в шашки можно было остаться самим собой, обыкновенным армейским служакой, в меру любящим жену, детей, сослуживцев и начальство, в данном случае «божественное»...

Александра Федоровна не обладала качествами радушной, приветливой хозяйки, этого не превзойденного идеала средней мещанской семьи. Создать привлекательный центр, окружить заботливым вниманием каждую мелочь домашнего обихода, оставить на всем отпечаток «Gemütlichkeit» — того, чем горделиво блещет добродетельный немец, — царице не было свойственно. Она стремилась к этому уровню, зная, что в числе прочих связей с мужем и семейный культ занимает не последнее место. Но в душе нехватало мягкости,

умиротворяющей любви. Да и «беспокойство ума» выносило ее за пределы домашнего уюта, мерно тикающих часов и заведенного порядка жизни. Она полна напряженной тревоги за сына; этой тревогой она делится с Николаем II; но тщетно искать в ее упоминаниях о мальчике каких-нибудь выражений ласки, обычной сентиментальности, которые могли бы выдать подлинную сущность бесхитростной, материнской любви. Конечно, привязанность ее к сыну была велика; боль, обида, страх тяжелым грузом увеличивали «ношу» жизни... Материнство не давало выхода отяжелевшему сознанию, не приносило удовлетворения, не успокаивало.

Александра Федоровна особенно страдала от такой своеобразной опустошенности. Она всячески стремилась развить в себе противоположные душевные свойства. Но есть люди, которых преследует несоответствие между «хочу» и «могу». Будучи в центре семьи, она распространяла холод вместо тепла, нарушала порядок и безмятежность своей болезненной возбудимостью и постоянным беспокойством. Достаточно взглянуть на обстановку ее интимной комнаты в Александровском дворце, чтобы убедиться, как давит этот бездушный подбор вещей, как мало тут уравновешенной примиренности и так называемого «уюта». Правда, еще меньше царственного величия было во всем окружающем. Куда ни глянешь, на всем лежит отпечаток испуганного жизнью человека, лишенного чувства гармонии, потерявшего свое место. Поэтому не видать преемственной связи с прошлым, нет традиций, нет стиля... Случайный

порядок, случайные вещи. Эпизод заменил устой.

«Жизнь трудно понять» — любила она говорить. И это было совершенно искреннее признание. Дети в этом смысле не находили в ней опоры. Ее философия мало подходила к запросам юности. Недоступность и рассудочность, вероятно, отпугивали дочерей. Наследник находился на особом положении, и его отношения к матери еще не успели сложиться. Но, как бы то ни было, Александра Федоровна делала над собой чрезвычайные усилия, чтобы уложить всю свою «непосредственность», всю заботливость и любвеобильность матери в семейный уклад, который со времени рождения сына особенно привлекал Николая II.

Она выступала пред ним не только в образе любящей жены, верного друга и советницы. Привлечь Николая II, подчинить его, как обольстительная женщина может подчинить себе мужчину, — эта задача ей не так легко удавалась. Женственное начало в ней было заглушено. «Умственность» и резонерство преобладали. Она тяготилась своей женской долей. Ее любимым выражением, по свидетельству Шульгина, оставалось:

«Ах, если бы я была мужчиной!».

Роль избалованной капризной женщины, хрупкой игрушки, вся сила которой в размягчающем влиянии, — такая роль противоречила ее природе. Она с тоской не раз восклицала:

«Бывают минуты, когда мы, женщины, не должны существовать!..».

Только иногда она «распускала» себя и капризно отшвыривала всякие политические темы и

заботы о власти. «Чорт бы побрал все эти Балканы!..». Или: «теперь еще эта идиотская Румыния» — бросает она нетерпеливо. В такие минуты хотелось бы пренебречь всеми условными приличиями придворной жизни и глубоко зачерпнуть свежего воздуху или забыться в каком-нибудь вихре увлечений, простой, бесхитростной веселости. Но эти минуты были редки и быстро проходили. Еще раньше, в первой половине своего царствования, она, бывало, жаловалась на монотонность жизни. «Я десять лет тут, в Царском, как в тюрьме» — обмолвилась она однажды на полуофициальном приеме. Впоследствии возобладали иные настроения. Чувство одиночества со временем приняло иное направление; психика самоотравлялась, беспомощно искала выхода и нашла его в экзальтированном суеверии, в религиозно-мистическом трансе. В этом последнем источнике черпала она силы для самообладания, даже для подъема.

Женщина в ней дремала... Царица преодолевала даже чувство ревности и достигала удивительных результатов. Ярче всего сказалось это на отношениях ее к Анне Вырубовой. Урожденная Танеева, дочь обер-гофмейстера, бывшего «главноуправляющего канцелярией его величества», Анна Вырубова последние десять лет пользовалась неизменным расположением Александры Федоровны. Вырубова была замужем за лейтенантом, с которым вскоре развелась, и, после этого, в качестве фрейлины, неотлучно жила при царской семье. Она играла при дворе очень заметную роль. Близость к царице, фамильярные отношения с царем

заставляли окружающих смотреть на нее, как на фаворитку. Она обладала красивой внешностью, была экстравагантна, с резко выраженным темпераментом, со склонностями к авантюризму, искала сильных ощущений и, вероятно, располагала к себе царицу своей «неудовлетворенностью». Она вела свое происхождение от незаконной связи Павла I и считала себя вправе, как человек «царской крови», пренебрегать общественным мнением. Условия придворного этикета ее не смущали. Она использовала безнаказанность привилегированной особы, чтобы разнообразить свою жизнь похождениями светской, легкомысленной дамы. Связи легко создавались, но также легко разрывались. Среди них, однако, была одна такая, которой стоило дорожить. Это — связь с самим императором.

Была ли она прочна и долговременна? Во всяком случае, она создала отношения с царем достаточно интимные и короткие. Какие цели при этом преследовала Вырубова — женщины ли, падкой до любовных похождений, или интриганки, наметившей пути властолюбия, — трудно сказать. Молва приписывала ей впоследствии намерения, идущие далеко за пределы флирта, вплоть до участия в предположенном дворцовом перевороте. Вырубова будто бы лелеяла план объявить Александру Федоровну регентшей, при чем посвятила в этот план Протопопова. Версия эта похожа на вымысел, родившийся в первые дни февральской революции. Исторический материал пока не дает основания так «углублять» эту вульгарную, плоскую, несомненно, порочную

фрейлину Романовых и превращать ее в фигуру политическую [1].

Ее влияние и роль имеют еще одно объяснение. Она была поводырем Распутина при дворе. Ей обязан этот мрачный «временщик» своим первоначальным успехом. Она его приблизила к царице и потом стояла в центре той группы очумелых «припадочных» женщин, которые составляли «хоровод мятежных душ» вокруг тобольского ведуна. Ненасытность, а с другой стороны, пресыщение, быть-может, половая извращенность Вырубовой толкала ее навстречу новым, сильным ощущениям и бросила, наконец, под ноги темной, грубой силы, которую олицетворял этот бородатый мужик, так заманчиво сочетавший сладострастие с религией, порок с искуплением.

Она способствовала популярности Распутина, а потом сама находила поддержку в его влиянии. Николай II охладел к ней после совместной поездки в Крым, где Вырубова, очевидно, хватила через край и успела надоесть... Александра Федоровна в глубине души ее ненавидела, но боролась с этой ненавистью, не рискуя вызвать недовольство святого «старца». Царю и царице, в сущности, она была ненужна. Только связью с Распутиным, с которым Вырубова открыто, публично «богоугодничала», можно объяснить ее неустранимое влияние при дворе.

Александра Федоровна знала об измене мужа. Ее рассудительность доходила до того, что даже

---

[1] Белецкий в своих воспоминаниях о Распутине дает такую преувеличенную оценку роли Вырубовой, оставляя совершенно в тени царицу (см. «Былое», кн. 20 и 21).

в этом щекотливом и болезненном для самолюбия женщины вопросе она не нарушала системы воздействия на царя. Роль советницы и тут осталась за ней. Откровенные рассуждения царицы на тему об отношениях Вырубовой к мужу и, наоборот, Николая к Вырубовой поражают своей противоестественностью. Цинизм, атрофия нравственного возмущения, последняя степень равнодушия к своему собственному достоинству, — только этими причинами можно было бы объяснить поведение царицы. Но приговор должен быть иной: в основе лежала все та же навязчивая идея нерушимой связи с царем, мания одиночества, которая сковала все ее движения, и мистический ужас предопределения.

Она осторожно перебирает тему о Вырубовой и, если выступает с критикой против нее, то делает это так, чтобы не задеть самолюбия Николая II. Ни слова упрека ни одного выпада по его адресу. Она продолжает дружеские отношения с Вырубовой, заботливо ухаживает за ней во время болезни (Вырубова при железнодорожной катастрофе сломала ногу) и хладнокровно советует мужу способ разрыва с ней.

«Если мы теперь не будем тверды, у нас будут истории и любовные сцены и скандалы, как в Крыму», — предупреждает она Николая II.

«Когда ты вернешься, она тебе будет рассказывать, как страшно она страдала без тебя... Будь мил и тверд... не позволяй ей наступать на ногу... Ее всегда нужно обливать холодной водой»...

И здесь заботы о твердости характера самодержца излагаются с такой же методичностью, как

будто речь идет о назначении или смещении министра. И здесь Николай II избегает открыто действовать, предпочитая уклончивость и лукавство.

Александра Федоровна не была уверена в том, что царь остыл и не дорожит больше связью с Вырубовой, которая, видимо, настойчиво продолжала добиваться сношений с ним. Одно время Вырубова даже собиралась последовать за царем в действующую армию. Вообще, куртизанка испытывала свое влияние и вела себя, как равная, не унижаясь и не угодничая льстиво. Она совмещала в своем лице три функции: любовницы царя, подруги царицы и, главное, «сестры во плоти» Григория Распутина. С желанием «Ани» волей-неволей приходилось считаться. «Аня хочет перемены в действующей армии», — это звучит почти законом в устах Александры Федоровны. «Аня» капризничает, нервничает, требует к себе внимания, и царица покорно подчиняется этому, осторожно намекая на свое недовольство. «Аня думает, что мой долг ее посещать, и потому она часто вовсе моих посещений не ценит, между тем как другие благодарят за каждую секунду, что я им отдаю» . . .

«Мы — друзья, я ее очень люблю и всегда буду любить, но что-то пропало, разорвана связь ее поведением к нам обоим. Она никогда не будет так близко ко мне, как была . . . В конце концов, мне тяжелее приходится, чем ей. Она с этим не согласна, так как ты будто бы для нее все, а у меня есть дети» . . . В этих словах Александры Федоровны скрыта жалоба на раздел сферы влияния. Очень редко в ней пробуждалось чувство сопер-

ницы, и тогда она с чисто женской щепетильностью исследует внешность обольстительницы.

«Она только и говорит о том, как она исхудала, хотя я нахожу, что ее живот и ноги колоссальны (и крайне неаппетитны). Ее лицо розовое, ее щеки менее толсты, под глазами тени»... Но быстро меняется тон критики, и вновь Александра Федоровна усваивает спокойствие резонера.

«Я знаю, что она меня гораздо меньше любит, чем прежде, и у нее все сосредоточено в ее собственной личности и в тебе. Будем осторожны, когда ты вернешься»...

Помощь, содействие, опека... Всюду, куда ни шагнул бы самодержец, его августейшая супруга с ним... Пусть это будет ставка верховного командования, зал заседания министров, служба в церкви или спальня фаворитки...

VI.

Много препятствий преодолевала Александра Федоровна, утверждая свое влияние. Обходными путями шла она к цели; не всегда можно было открыто выразить свое подлинное намерение или раскрыть свою настоящую природу. То в выпуклом, то в вогнутом зеркале отражалась ее душа. И в том и в другом случае характеристика была бы ложная. О многих свойствах ее приходится судить условно. Не мало черт было искусно замаскировано притворством поведения и лживой словесной формулой.

Царица афишировала свою любовь к России. «Ты знаешь, как я люблю твою страну, которая

стала моей», — не уставала она говорить своему супругу. Эту аффектированную любовь надо было примирить с неподдельной привязанностью к Германии, которая, конечно, занимала более значительное место в сердце Гессенской принцессы. Особенно остро ощущалось противоречие во время войны. Царица должна была молча, если не сочувственно, относиться к борьбе с «немецким засильем», ставшей официальным штампом патриотической благонадежности. Ни одним мускулом своего лица нельзя было выразить сомнения в «немецких зверствах», которые, с легкой руки квасных шовинистов и продажных писак, сделались монопольным пороком одних только германцев. Она открыто возмущалась немцами или восхваляла доблесть и милосердие русских войск, мечтала вслух, обязательно вслух, о гибели немецкого флота и пела дифирамбы войне, которая, по ее мнению, «подняла дух, очистила много застоявшихся умов, объединила чувства»...

Но одновременно с этим она все делает для того, чтобы облегчить участь «несчастной Германии», окруженной со всех сторон врагами. У царицы есть одно могущественное средство, которое надо лишь умело направить, это — воля самодержца. Этим средством она владеет, и нет такой силы, которая могла бы ей помешать.

Война продолжалась... Если бы от царицы зависело, она бы прекратила войну сразу. Исподволь она приучала Николая II к мысли, что кровопролитие пора остановить. Взрыв «человеколюбия» заставлял ее произносить чуждые ее природе сентиментальные слова о мире и утешении, о том,

что ненависть должна прекратиться на земле и тогда расцветет краса и покой «возлюбленной» России. Увы, чувствительности хватало ненадолго. Спустя несколько минут, она забывает о том, что «птички поют... что природа воскресает и хвалит господа», и со всей мстительностью обрушивается на ненавистного Гучкова, злого гения войны. «Ах, неужели нельзя было повесить Гучкова», — скорбит ее «человеколюбивая» душа. Узнав, что Гучков собирается ехать с депутацией к царю, она втайне мечтает о железнодорожной катастрофе, надеясь таким путем отделаться от него. Поставьте ее на место стрелочника, и она, не задумавшись, бросит под откос поезд с сотнями человеческих жизней, лишь бы погубить одного врага. Какой зловещий орнамент для христианского смирения царицы!

Она не решается открыто выступить в защиту немцев. Это было бы опасно и могло бы подорвать доверие к ней Николая. Кампания ведется тонко и незаметно. Кто может заподозреть ее в малоценности похвал, которые она расточает по адресу армии, тем более, что державный вождь армии — сам царь? Она хотела бы, чтобы имя русских войск вспоминалось впоследствии во всех странах со страхом, уважением и с восхищением. Она, конечно, за победу. Но... «победа не означает грабежа»... О зверствах немцев полагалось говорить много и вслух. О грабежах русских войск царица упоминает вскользь и втайне. Ее забота об устранении грабежей так понятна. Ведь, чем дисциплинированнее будет русская армия, тем меньше урону нанесет она городам и жителям Германии.

Уж если неминуема война, то пусть, по крайней мере, она будет не так разорительна для Германии. Она восторгается вслух подвигами русских войск, но не может скрыть своего восхищения пред героизмом и организованностью своих соотечественников. Общераспространенное мнение о «германском засильи» она ослабляла очень метким замечанием: «наши собственные ленивые славянские натуры, без всякой инициативы, сами виноваты. . .». Ее положение во время войны было достаточно двусмысленно; она вынуждена была оказывать влияние незаметно, не привлекая к себе внимания, прикрываясь общими соображениями гуманности и человеколюбия. Она близко принимает к сердцу заботы о военнопленных, рассчитывая таким путем облегчить участь немецких офицеров и солдат. При случае она готова реабилитировать в глазах царя немецкую армию в связи с применением газов и других варварских способов ведения войны. Открыто посредничать с целью приблизить мирные переговоры — опасно. Она состоит в секретной переписке со своими родными, которые, конечно, не упускали повода, чтобы заразить ее тревогой за судьбу Германии. Брат ее предпринимал даже более активные шаги. Еще в 1915 г. он послал в Стокгольм доверенное лицо, уполномоченное, очевидно, работать в направлении сепаратного мира. Это лицо вручило Александре Федоровне верительное письмо. Царица осведомляла обо всем Николая II. Царь, видимо, не оставался глух ко всем нашептываниям своей супруги, и мысль о сепаратном мире нашла себе место в его мозгу.

Александра Федоровна восхваляла войну, боялась ее продолжения и внушала самодержцу необходимость положить предел кровопролитию. Она призывала победу для русского оружия и в то же время заботилась о торжестве германского имени. Она, не запинаясь, говорила — «наши собственные славянские натуры» и, несомненно, преклонялась пред величием немецкого духа... Эти противоречия в ней уживались и не влекли за собой трагического разрыва или рокового раздвоения личности. Объясняется это тем, что противоречия-то были кажущимися. Ее подлинная правда была, конечно, не там, где она афишировала свою приверженность к русскому солдату или к славянской идее. Хотя надо сказать, что в своих идеологических построениях она часто доходила до такого пафоса, который, на первый взгляд, столетними корнями был связан с исторической миссией самодержавия в истолковании официальных апологетов.

«Бог да благословит и объединит в глубоком историческом и религиозном смысле слова эти славянские страны с их старой Матерью-Россией», — пишет она выспренним слогом царю. Письмо, если отбросить обычные лирические излияния и форму любовного обращения «милушка, ручки, шейка и т. п.», — подходит скорее на декларацию, на манифест панславизма.

«Теперь мы достаточно сильны, чтобы их удержать за собой, прежде мы не могли это сделать, — тем не менее мы должны „внутри“ стать еще сильнее... чтобы управлять крепче и с большим авторитетом. Как будет радоваться импера-

тор Николай I. Он видит, как его правнук вновь завоевывает эти провинции далекого прошлого и видит мщение за предательство Австрии по отношению к нему . . .».

Во всей системе приспособления к власти, которая почти заменила ее сущность и создала какой-то новый, показной, вариант личности, эта лже-идеология имела законное право на существование. Но, конечно, в глубокую ошибку впал бы тот, кто видимость принял бы за подлинник.

В этом смысле личность Александры Федоровны представляет сложное явление. Средний, в сущности, человек, с психическим изъяном и многими недостатками, она не укладывалась в обычные рамки. В ее нравственной неустойчивости было какое-то постоянство, в ее слабости душевной скрывалась сила. Каждая черта ее характера в отдельности не может быть понята без сопоставления с другими. Весь ее образ целиком отразил быт и колорит умирающей династии, он насквозь пропитан был предрассудками и суеверием придворного уклада. Ее трагедия одиночества была трагедией опустошенного самодержавия. Она порвала последние нити, которые связывали царизм с какой-нибудь социальной или идеологической средой. От власти осталось одно голое устрашение, от религии — только пустое суеверие. Диву даешься, с каким увлечением Александра Федоровна, воспитанная в строгости англиканской церкви, восприняла обрядовую сторону православия. Можно подумать, что с молоком матери перешли к ней эти традиции. Здесь ска-

зались степень ее восприимчивости, предел приспособления и растлевающее влияние среды. Икона превратилась в амулет; она раздает образки направо и налево и серьезно считается с чудодейственной их силой. Молитва приобретает характер заклинания; она заставляла наследника механически повторять каждый день положенное число текстов. Нарушение этого правила предвещало несчастье. Открытие мощей очередного «праведника», вымысел распутинского ставленника Варнавы о появлении креста на небе, благоприятное предзнаменование, чудесный крест и сотни других призраков суеверия — вот что составляло суррогат религии, выхолощенной, растленной так же, как и самодержавие. Гессенская принцесса на русском троне усвоила полностью пустую, мертвую форму православия, эту официальную смесь благочиния и ханжества. Она прониклась непримиримостью церковной, которая выполняла реакционную политику самодержавия. «Полякам нельзя доверять... Католики должны нас ненавидеть...», — внушала она «православнейшему государю». Церковь была для нее одним из департаментов управления, разновидностью верховной власти царя. «Ты глава и покровитель церкви», — неустанно повторяла она Николаю II. Болезнь церкви, как и острый недуг всего общественного строя, — все это слишком большие проблемы для ее ограниченного кругозора. И если церковь нуждается в оздоровлении, то разве только потому, что между ней и царем стоят непослушные своевольные слуги царевы — в клобуках или шитых золотом мундирах.

Александру Федоровну надо поставить в центре русского самодержавия XX века, и тогда образ ее, освещенный с разных сторон, становится понятным. Русский двор в эпоху предреволюционную, русский царь — последний из династии Романовых — вполне оправдывают появление такой именно царицы, как Александра Федоровна. Индивидуальными ее особенностями, быть-может, объясняется степень ее влияния, та напористость, с которой она его проводила. Но общий тон поведения, даже уклоны психической и нравственной жизни царицы были предрешены... Или ее должна была извергнуть среда, ближайшая к судьбам самодержавия, или она должна была овладеть средой. Но для того, чтобы овладеть этой средой, нужно было самой стать средоточием и воплощением умирающего режима. Александра Федоровна выполнила это предначертание истории...

VII.

Глубокая пропасть отделяла царский двор от всей России. В условиях правовых, когда правительства подконтрольно общественному мнению и представительству, это не имело бы рокового значения. Но фактически нити управления завязывались в Царском Селе, а страна была распростерта под пятой самовластия. Зияющее противоречие между ростом общественного сознания и архаическим способом осуществления верховной власти усиливалось с каждым днем. Оппозиционная волна вздымалась все выше и выше, захле-

стывая новые слои населения. Теснее замыкалась дворцовая клика, и последняя связь с Россией казалась нарушенной. Авторитет самодержца выцветал. Идейные сторонники неограниченной монархии таяли от малейшего соприкосновения с дворцовой жизнью. Честных и убежденных людей отталкивала растленная среда придворных льстецов, для которых существовал только своекорыстный интерес, и не было заботы о судьбе России.

Круг приближенных состоял из тупых, невежественных последышей дворянских родов, лакеев аристократии, потерявших свободу мнений и убеждений и традиционные представления о сословной чести и достоинстве. Все эти Воейковы, Ниловы, Мосоловы, Апраксины, Федосеевы, Волковы — бесцветные, бездарные холопы — стояли у входов и выходов царского дворца и охраняли «незыблемость» самодержавной власти. Эту почетную обязанность делила с ними другая группа— Фридериксов, Бенкендорфов, Корфов, Гроттенов, Гринвальдов — напыщенных, самодовольных немцев, которые пустили прочные корни при русском дворе и создали своеобразный колорит закулисного влияния. Глубокое презрение к русскому народу роднило всю эту высокопоставленную челядь. Многие из них не знали прошлого России, пребывали в каком-то тупом неведении о нуждах настоящего и равнодушно относились к будущему. Консерватизм мысли означал для большинства просто умственный застой и неподвижность. Для этой породы людей самодержавие потеряло смысл политической системы, ибо их кру-

гозор бессилен был подняться до идей обобщающих. Жизнь протекала от одного эпизода к другому, от назначения к смещению по лестнице чинов и отличий. Иногда чреда событий прерывалась потрясением, бунтом, революционной вспышкой или покушением террористов. Эти зловещие симптомы пугали, даже устрашали, но никогда не внушали глубокого интереса и не привлекали к себе серьезного внимания. Все сводилось в конечном счете к надеждам на нового энергичного администратора или искусного охранника. Правительство в техническом смысле слова пополнялось иногда элементами со стороны. Но круг их самостоятельности был всегда ограничен. Они должны были так или иначе определить себя в отношении придворной правящей клики. Независимость влекла за собой быструю опалу. Большинство избирало линию наименьшего сопротивления и угодничало вслепую. Так растлевающая связь включала в одну цепь и царедворца и бюрократа...

Опустошенную идейно, обезличенную придворную среду разъедала интрига. К этому средству прибегали все — и сильные и слабые. Доверия друг к другу питали мало, уважения—еще меньше. Интрига была оружием самозащиты и нападения. Время от времени, благодаря стечению обстоятельств, укреплялось чье-нибудь индивидуальное влияние. Но интрига сваливала любой авторитет. Так сыграл свою придворную роль Витте в первой половине царствования Николая II, так печально закатилась звезда Столыпина, который одно время был всесильным министром, а накануне

своей смерти ждал с минуты на минуту опалы. Интрига не щадила и великокняжеской семьи. Многие из князей были взяты под подозрение и не имели открытого доступа ко двору. Фронда князей продолжалась в течение всего царствования Николая II. В 1911 году шла речь прямо о раскрепощении родственников царя. В последние годы распутинского влияния недовольство их приняло открытый характер, пока не грянули выстрелы в особняке Юсуповых. Во всех углах царскосельского дворца плелась тогда интрига, а князья даже замыслили что-то вроде бойкота царя, чтобы таким способом подчеркнуть свой протест против ссылки Дмитрия Павловича.

Умением разгадывать тайные нити интриги, знать ее источники и направление объясняется придворный успех некоторых бюрократов, которые кроме этой способности не обладали ничем. Они до тонкости изучали манеру обращения каждого царедворца, знали все слабости и увлечения любого из них, умели ладить, а при случае приладиться, искусно лавировали между самомнением, эгоизмом, глупостью окружающих, никого не задевали, и потому, когда перебирались кандидатуры на ответственные посты, они оказывались всегда в числе первых. К типу таких людей относился, например, Горемыкин, одряхлевший на высших ступенях бюрократической лестницы рамоли, но общепризнанный интриговед. Горемыкин был не один: он замыкал плеяду ему равных.

Николай II был притягательным центром для дворцовой интриги. Своей двуличной, многоличной политикой, обманчивой склонностью к ком-

промиссу, который, однако, всегда отменялся с упрямой настойчивостью, своим непрямым взглядом и не простым отношением к людям он поощрял и закреплял именно этот стиль придворной жизни. Всякий царь заслуживает своих приближенных. Николай II не умел искать и не умел находить нужных людей. Да если бы такие нашлись, то чем мог бы он вдохновить глубоко-преданных сторонников самодержавия? Открытая политическая арена еще могла бы выдвинуть государственных деятелей, помимо индивидуального влияния царя. Но в атмосфере «личного режима» личность самодержца имела решающее значение для тех, по крайней мере, кто в ней непосредственно черпал пафос и творческие силы. Николай II был в этом отношении совершенно бесплоден. Он продолжал олицетворять самодержавную власть, но не мог скрыть ее социальной и политической наготы. В короне давно уже нехватало драгоценных камней. Кого мог пленять фальшивый блеск стекляшек? Не было такой нравственной, религиозной, политической идеи, которая создает силу сопротивления, сознание правоты. Благодаря этому, всякий проступок режима выростал в преступление, всякое преступление грозило гибелью...

В такой опустошенной среде протекала придворная жизнь. В ней были черты поразительного сходства с тем периодом московской истории, когда кончалась династия царей и Россия вступала в полосу смутного времени. И тогда в московском дворце, по свидетельству историка, сосредоточились элементы нравственного растле-

ния, и тогда идея самовластного царя стала разменной монетой в игре людей, которые прибегали к силе тайных козней и интриг, силе предательства, доноса, клеветы, всякого коварства, всякого «потаенного лиха». В сумеречной обстановке царскосельского дворца, куда не проникало живое, правдивое человеческое слово, так же свирепствовал суеверный страх и боязнь «порчи», как в хоромах московского самодержца. Если тогда прибегали к ворожбе, к приворотному зелью, к ведовству и колдовству для того, чтобы отвратить гибель или «извести» врага, то и во дворце Николая II нравы немногим разнились. Длиннополый охабень или золотом шитый мундир одинаково прикрывали низость и своекорыстие царедворцев. Самовластие не могло существовать иначе, как окружая себя болезненной подозрительностью. В сущности, каждый приближенный таил в себе опасность, раз не существовало идейной связи, раз общий интерес не господствовал над личным. «Несмотря на свою великую власть и грозное свое могущество, грозное могущество даже одного своего слова, несмотря на эту непомерную силу сильного, московский государь чувствовал, что он не имеет силы, чувствовал, что он находится в постоянной самой тесной и тяжелой осаде».

Эти слова историка целиком могут быть отнесены и к быту умиравшей династии Романовых.

В такой обстановке Александра Федоровна должна была найти себе место. Ее появление на русском горизонте вызвало у некоторых надежду, у других смущение и даже тревогу. Круги либеральные, свободомыслящие связывали с именем

немецкой принцессы, получившей английское воспитание, смутные чаяния конституционной реформы; придворное общество с опаской встретило чужеродный элемент и начало по обычаю плести интригу. Личность, — пусть это будет царица, поскольку она входила, как составная часть, в придворный быт, — была неразрывно связана с понятием о самовластии. В этом еще раз сказывалась черта сходства с московским, допетровским обществом. Гессенская принцесса сразу усвоила этот принцип окружающей среды и превратила его в средство самозащиты. Либералов она скоро разочаровала, против интриганов решила использовать силу самодержавного царя. Но последствия этой дворцовой «осады» она не переставала испытывать. Боязнь «порчи» не покидала ее ни на одну минуту. О том, что нельзя верить никому из приближенных — эту истину она восприняла мгновенно. Не даром ее пленяла впоследствии утопическая идеология непосредственной связи царя с армией и народом, минуя коварство придворной знати и вражду чиновной интеллигенции. В сущности, у нее не было иного выбора. Замкнуться в узких рамках семейной жизни она не могла по природе своей. Помимо всего, зловещий знак наследственности закрывал для нее и этот исход. Царица бесплодная или с опороченным потомством не выполняла, по старорусским понятиям, своего основного назначения. Дворцовая интрига ее «изводила», и для такой неудачницы оставался двоякий удел: смерть или заточение в монастыре. Быть-может, жизнь не привела бы Александру Федоровну к таким послед-

ствиям, но положение, несомненно, создалось бы для нее безысходное, если бы она сама со всей настойчивостью и прямолинейностью не овладела обстоятельствами и не сумела приковать свою судьбу к судьбе царя. Особенности ее душевного склада, свойства характера и направление воли помогли ей осуществить план самозащиты, они же ускорили и зловещий конец. И немудрено, если царица в среде всеобщей скудости, умственного и духовного вырождения быстро снизилась к уровню людей «припадочных», людей того круга, который один только был ей предназначен, и дала волю суеверию в поисках помощи извне. Не малую роль сыграл зловещий свиток событий, которым ознаменовано было царствование Николая II. Царь, окружающие его советчики бессильны были разорвать кольцо несчастий, сковавшее Россию. Они даже постичь не могли известной закономерности всех бедствий. От природы предрасположенная к мрачным заключениям, с душой, перегруженной тревогой и сомнениями, Александра Федоровна чуть ли не с первого дня своего появления в России увидала карающую десницу судьбы, которая непримиримо преследует династию, требует искупительных жертв и бьет, бьет без конца...

1896 год... Коронование в Москве... Страшная катастрофа на Ходынском поле, положившая начало всем испытаниям и бедствиям. Голодный 1898 год, судороги человеческого страдания, о которых доходили сведения даже до двора. Неуловимый призрак революции, бомбы и выстрелы, истребление наиболее преданных и надежных

охранителей власти, полоса крестьянских волнений в Полтавской, Харьковской, Курской губерниях; восстание матросов в Свеаборге и Кронштадте, бунт матросов Черноморского флота, восстания в войсках и, наконец, несчастная, позорная война с Японией. Весь этот мартиролог был лишь вступлением к подлинному потрясению основ самодержавия — к революции 1905 года, когда пред лицом царицы пронесся мстительный ураган народного возмущения и доходил совсем близко глухой рокот восставшей улицы ... 1905 год оставил глубокий след. Александровский дворец стал походить все более на осажденную крепость.

Годы реакции и торжества столыпинской диктатуры не могли внести успокоения. Слишком свежо было «предание», да и Государственная Дума, этот символ компромисса, который вынуждена была допустить самодержавная власть, колол глаза, как живой укор. «Усмирение» куплено было дорогой ценой, но власть скользила все время по острию ножа и теряла равновесие от любого толчка. Социальная основа самодержавия суживалась и, наконец, совершенно исчезла. Личное влияние, личный авторитет получили широкий доступ ко двору. Потерян был тот нравственный и политический критерий, который помог бы оценивать людей, предотвращать безрассудство и падение власти. Тогда-то вмешательство царицы в дела государственные становится все очевиднее. Во время войны с Германией оно приняло форму исключительную. Всякое решение, в конечном итоге, должно было получить одобрение Александры Федоровны. Она невидимо присутство-

вала на заседаниях совета министров, решала военные, стратегические задачи, смещала чиновников, диктовала программу власти верховной и подчиненной. Она разочаровалась, на жестоком двадцатилетнем опыте убедившись в бесплодности всех попыток так называемых государственных деятелей водворить мир и спокойствие в стране и дать надежную опору для династии, а главное, она не доверяла этим придворным льстецам «мужам совета» и своекорыстным интриганам. Длинная чреда бедствий, мрачная хронология царствования Николая II подтолкнули царицу к той грани суеверия, к которой и без того влекла ее «неведомая сила» души. История обрубила все ветви самодержавия, и сухим голым стволом, засохшим от корней до вершины, пугало оно современников. А рядом с ним иноземная царица, такая же неподвижная и «бесплодная», думала воскресить этот политический труп при помощи чудес и заклинаний.

И невольно вспоминается далекое прошлое у истоков самодержавия. Известно, что при великом князе Иване Васильевиче его супруга, гречанка Софья, прибегала к ворожбе. К Софье Палеолог — женщине, по тому времени, передовой — приходили «бабы с зельем».

К Александре Фед. — женщине, не столь передовой, приходил тобольский мужик Распутин...

VIII.

Появление Распутина, роль, которую он сыграл в последние годы династии Романовых, не раз будет привлекать внимание историка и бытоописа-

теля. Конечно, центр интереса не в самой личности этого хитрого полугипнотизера, полурелигиозного изувера, который так заманчиво рисовал сладость искупления для порочных и божественным именем освящал простое распутство. Его религиозно-мистическое учение удивительно легко и приятно воспринималось «высшим обществом». Чтобы приобщиться к благодати и сохранить надежду на спасение, не только не требовалось достичь совершенства и гнать соблазн, а, наоборот, достаточно было продолжать без зазрения и дальше ту же растленную жизнь и уже в полном сознании своей правоты публично щеголять своим пороком, заражать им других и сваливать всех в одну общую кучу греха. Распутин был нужен, и если не он, то кто-нибудь другой, подобный. Не даром Хвостов, срывая свою злобу на Распутине, называл какого-то монаха Олега, Мардария и прочих проходимцев, которые ждали случая, когда «судьба Гришки будет решена», чтобы занять при дворе свободное место провидца и утолителя греховной плоти.

Распутин — эпизод, распутинство — явление органическое. Восприимчивость к «распутинству» была отличительной чертой эпохи Николая II. Об этом говорят современники в своих «воспоминаниях», об этом пишут послы в своих донесениях иностранным правительствам. «Распутинство» — бездна, куда история бросила осужденный режим, бездна суеверия, предрассудков, пошлости и бесчестия. «Распутинство» — прогрессивный паралич привилегированного общества, порождение умственной пустоты и разврата духовного, ката-

строфа воли, падение творчества, зловещий признак вырождения. «Распутинство» неудержимо распространялось по всему организму самодержавия. Не нашлось ни одного здорового места, которое оказало бы сопротивление его разрушительному влиянию. Из светских салонов этот яд перекинулся в министерские кабинеты, из монастырского подворья во дворец царя. Везде находились последователи и сподвижники, восприемники, созревшие к падению. Дельцы и карьеристы, кликуши и изуверы, люди, испытывавшие животный страх пред смертью, с отяжелевшей от преступления совестью и просто без совести, люди пресыщенные и ненасытные — все соединились в одном общем падении и составляли мрачный легион победоносного «распутинства». Оставалось ему перешагнуть через последнюю ступень на пути к триумфу — бросить к ногам своим царей. На пороге царскосельского дворца стояла Александра Федоровна, которая, быть-может, ждала его с большим нетерпением, чем кто-либо иной.

Кто первый оказал эту помощь царице, трудно установить. Во всяком случае известно, что епископ Феофан, бывший духовником императорской семьи, аттестовал Распутина, как человека, на котором, несомненно, почиет «благодать божия». Вырубова уже была тогда в орбите распутинского влияния и, вероятно, играла главную роль в популяризации старца. Он проник во дворец не тайком, не крадучись, а державно распахнув двери, окруженный ореолом своей магической силы, как законный распорядитель царской судьбы...

Конечно, существовало много рассказов о том, как чудесно предуказывает он пути божественного промысла. В успехе всякого самозванства решающее значение всегда имеет легковерие и подготовленность общественного мнения той среды, которая выдвигает самозванца, выдвигает потому, что на нем сосредоточивает все свои чаяния и упования. Легендарность Распутина питалась теми же объективными условиями, ибо и в его истории есть черты сходства с самозванством. Много раз предпринимали обследование его круга деятельности. К этому прибегали те, кто не подпал сразу под влияние «старца» или даже дерзал устранить его за пределы дворца. Столыпин поручил особому чиновнику составить беспристрастное описание жизни и подвигов Распутина, с целью вывести на чистую воду темные проделки временщика. Коковцов прибегал к тому же приему. И тот и другой оказались бессильными разорвать пелену суеверия и страха. Падение Столыпина предупредила пуля Богрова. Коковцов впал в немилость только потому, что не угодил Григорию Ефимовичу . . .

Распутину верили, хотели верить . . . Два-три случая его целительного воздействия превратили веру в столп незыблемый. Стоило наследнику в Спале смертельно заболеть от ушиба, а Распутину удачно предсказать его выздоровление, чтобы авторитет тобольского мужика стал несокрушимым. Отныне для царицы существует один путь предопределения, одна истина, одна правда на земле — воля и совет «старца». И не было такого угла в ее душе, куда она не позволила бы проникнуть

нескромному взгляду этого «святого» проходимца. Быть-может, единственный человек, с которым она допустила бы откровенность до конца, был Распутин. Надо отдать справедливость ему — он не злоупотреблял силой своего влияния в отношении царицы. Инстинкт, здравый смысл, проницательность подсказывали ему самоограничение. Физической связи с Александрой Федоровной, что было обычным приемом распутинской благодати, не существовало. Эту версию, облизываясь, разжевывала уличная молва и бульварная печать. Ее следует бросить. Но если связи не было, то лишь потому, что этого не захотел Распутин, убоялся своей собственной дерзости, дрогнул пред последним пределом...

Александра Федоровна готова была какой-угодно ценой приобрести расположение «друга». Ведь это вносило успокоение и уверенность, упрощало всю систему жизни, власти и управления, создавало какие-то основы, более прочные, чем случайные человеческие отношения. Привходящий элемент религиозно-мистического искания придавал этой связи характер возвышенный, оставляя незамеченными все черты грубой лжи, дешевого обмана и всей омерзительной наготы распутинского «действа». Наоборот, необычность, своеобразная экзотика хлыстовства особенно привлекали царицу. Она в этом отношении не составляла исключения из общего правила. Чем резче бросалось в глаза несоответствие между придворным этикетом и грубой манерой обращения Распутина, тем убедительнее казались вера его и поучения. Распутин был догадливый мужик и весьма усердно

поддерживал свой стиль, часто щеголяя даже своей первобытной грубостью. Он умел облекать свои простые суждения в туманный, слегка цветистый язык. Иногда говорил намеками, иногда обрывал речь на полуслове. Фамильярность, прямота, покровительственный тон, который он применял независимо от ранга и положения, подкупали своей непосредственностью и возбуждали интерес в среде, насквозь пропитанной условной фальшью. Все забыли уже, в каких выражениях обычно людьми произносится правда, и им казалось, что распутинская вульгарность и есть необходимый аттрибут ее. Человеческой правды не искали и не терпели. Искусство лгать было обязательным условием придворного успеха. Но правда, изреченная, по уполномочию свыше, носителем «благодати божьей» — такая правда в устах Распутина считалась откровением непререкаемым. Особенно легко ее было принять потому, что она бережно опекала земные интересы, утоляла земную жажду, освобождала от сомнений и тревог тех, кто к ней внимательно прислушивался. Распутин очень хорошо знал относительную ценность такой именно правды и в «пророческих» своих изречениях не забывал затронуть всегда судьбу вопрошавшего. Александру Федоровну он держал в напряжении все время, так как не упускал случая коснуться жизни и смерти наследника, власти монарха, отношений к царице, судьбы династии. Это и были как раз те вопросы, которые так болезненно и прямолинейно решала Александра Федоровна.

Еще привлекала «черноземность» Распутина. Он символизировал близость народа к царю. В его

лице устанавливалась связь с народом непосредственно, помимо придворной олигархии. Самодержавие таким образом пыталось освободиться от самого себя. Эта безнадежная попытка могла привести только к самоуничтожению. Революция вскоре подтвердила такой вывод... Во всяком случае, на Распутине можно было демонстрировать свое народолюбие. Весь он — в сапогах бутылками, в рубахе на выпуск, ремешком подпоясанный, с бородой запущенной, подлинный посланец русской деревни, да еще чудесным образом наделенный даром провиденья, — весь он был для царицы живым свидетельством народной основы самодержавия. В этом чудовищном извращении идеологии умирающего режима сказалась его обреченность.

Распутин не порывал со своим селом Покровским, и время от времени, когда его подвиги отдавали скандалом, бывал даже насильно туда водворяем; чинов не имел, сана не добивался (хотя мог бы унизить официальную церковь и до такой степени), к власти непосредственно не стремился и только ревниво охранял доступ свой ко дворцу. Эта «бескорыстная» преданность царской семье, самобытная, самопроизвольная, не служба, как у всех прочих придворных и «негодяев-министров», а служение — это разве не могло вызвать в сознании Александры Федоровны представлений о возвышенной миссии Распутина? Она верила в его чудодейственную силу, не сомневалась в божественном его озарении и, мало того, приписывала особое значение его появлению во дворце. «Бог для чего же нибудь послал его нам» — пишет она

царю. Нужно было питать к кому-то иному больше доверия, и как раз к такому человеку, который был бы способен поколебать веру в Распутина, для того, чтобы царица отказалась от соблазна принять руку помощи «посланника божьего». Но таких людей не было на виду Александры Федоровны, и она гнала прочь всякие «клеветнические» выпады против «святого старца». Наоборот, не было более легкого способа скомпрометировать себя в глазах царицы, как выразить сомнение в чистоте его намерений. Вера в Распутина не терпела ни малейшего колебания. Она или могла существовать, как абсолют, или вообще должна была исчезнуть.

Распутин был источником всего благого — жизни, радости, здоровья, силы и успеха.

«Сегодня солнечный день. Должно-быть, Он приехал» — отмечает у себя царица.

«Алексей скоро поправится теперь, раз что наш Друг его видел»... Как высоко должна была Александра Федоровна ценить близость Распутина, если один взор его уже приносит исцеление.

Распутин никогда не ошибается, ибо им руководит высшая сила; поэтому... «очень важно, что мы имеем не только его молитвы, но и его совет» — умозаключает царица. А советы клонились главным образом к тому, чтобы устранить из поля зрения, обезвредить явных и тайных врагов «провидца», другими словами, содействовать укреплению власти царя, отвратить все козни и злоумышления, которые подстерегают на каждом шагу. Царица неустанно напоминала мужу, что

«его интерес и интерес России лежат близко к сердцу Распутина». Важно лишь обращать больше внимание на слова «друга», ибо они всегда имеют серьезный смысл и по пустому не произносятся. Она не допускала критики его предначертаний. В каком-то оцепенении подчинялась она всем указаниям Распутина. Его воля — закон. Послушание — высший принцип поведения. Награда не замедлит наступить. Распутин умел на своем народно-церковном диалекте увлекательно говорить о награде и покорял царицу. «Бог имя твое прославит за ласкоту и за подвиг твой»... или: «увенчайтесь земным благом, небесным венцом»... Часто он успокаивал ее словами утешения и магически снимал тревогу. «Господь увидел твои слезы и услышал твои молитвы. Не сокрушайся более»...

Не терять из виду Распутина, не оставаться без его заступничества пред богом, не делать ничего вопреки его воле и намерениям — вот к чему в конечном итоге свелась вся мудрость жизни Александры Федоровны. Она вся уставилась в одну точку, роковым образом сосредоточилась в одном пункте и все устремления свои перевязала одним узлом. Распутин — судьба! Обвела себя магическим кругом и глядела застывшим взором, как бьются враждебные силы за чертой круга, тянутся к ней, чтобы погубить, но не могут переступить через волю ее хранителя. И было ясно, что, если есть субъективная уверенность в своей правоте, сила сопротивления, воля к жизни, настойчивость в решениях, система власти и управления, то все это приведено к некоему единству, в центре которого

стоит зловещая фигура тобольского ведуна, могильщика российского самодержавия.

Грянул выстрел в Юсуповском дворце... Распутин пал от руки дворцовых заговорщиков. «Божественный промысел» изменил ему; он был бессилен провидеть свой собственный конец. Магический круг разорван. Рушилась вся система жизни... Оборвалась сама жизнь... Сразу ринулись вперед все противоречия. Обнажилось одиночество, душевная глухота, изломанная воля. Трон ждал первого толчка, чтобы рухнуть и похоронить под своими обломками царицу Александру Федоровну.

И когда 8 марта 1917 года генерал Корнилов, главнокомандующий петроградским военным округом, читал бывшей царице постановление временного правительства об ее аресте, она сделала бессильный жест рукой и не произнесла ни слова...

